

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

ДВОРЯНСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА СТАВРОПОЛЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Татьяна Евгеньевна Покотилова^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Пятигорский институт (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (д. 56, пр. 40 лет Октября, Пятигорск, 357502, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию проблемы участия дворян в благотворительном процессе на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Отмечается, что содержание и особенности процесса становления и эволюции сословной структуры и оформления, в частности, дворянского сословия в изучаемом регионе, наряду с существовавшими нормативными рамками, закреплявшими его сословный статус, во многом определялись спецификой продвижения России на кавказских рубежах, историей и особенностями колонизации степного предкавказья, особым военно-административным и геополитическим статусом Ставрополя в изучаемый период. **Материалы и методы.** Принцип сословности в нормативном обеспечении благотворительного процесса в Российской империи и избранная к изучению проблема истории благотворительности дворян в условиях возникновения новых социальных общностей и неизбежного сглаживания сословных различий логично предопределили особое внимание к уточнению признаков сословий. В качестве базового был избран перечень признаков сословий, предложенный М.И. Лавицкой и А.В. Мельниковым, – «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычаях или законе; 2) сословные права передаются по наследству; 3) наличие сословных корпоративных организаций, осуществляющих сословное общественное управление; 4) специфический менталитет и самосознание сословий». Исследование проведено с использованием материалов Государственного архива Ставропольского края. Что, с учетом специфики проблемы исследования, обусловило обращение к таким его методам, как историко-генетический, периодизации, типологический и нарративный. **Анализ.** На конкретных исторических фактах показывается, как относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории, что именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства Польского и западных губерний, и что мало кто из дворян Ставрополья имел земельные владения и основную статью их доходов составляла государственная служба. В ходе моделирования особенностей субъекта – объектных отношений в благотворительном процессе на территории избранного региона учтены ограниченные возможности ставропольских дворян к крупным и частым благотворительным акциям и сравнительно небольшие, по отношению к внутренним губерниям России, масштабы базы потенциальных объектов благотворения. **Результаты.** Конкретно – историческая картина, со-

зданная на базе широкого круга источников, показала относительно слабую, по сравнению с общероссийской, вовлеченность дворянства региона в благотворительную практику. Это, на фоне нечастых отдельных случаев личной благотворительности, прежде всего, – популяризация благотворительного участия населения в создании и попечении о деятельности учебных заведений и жизни недостаточных учащих, создании редких медицинских и социальных заведений со стороны власти придержащих, в том числе, и собственным примером. В случаях отсутствия активной ожидаемой реакции – привлечение возможностей Ставропольского (Кавказского) приказа общественного призрения для растянутого во времени аккумулирования благотворительных поступлений для решения вышеуказанных проблем. Это – и одна из самых протяженных во времени практика обладающих досугом, неравнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин) посещения бедных с целью сбора и передачи информации о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Это – инициирование и активное участие представителей дворянства в создании и работе благотворительных обществ, расширявшееся в масштабах и направлениях в рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., когда престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII веке, постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье.

Ключевые слова: сословная структура, дворянство, частная благотворительность, благотворительные общества, образование, социальное призрение, Ставрополье, Российская империя

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А. Дворянство и благотворительность на Ставрополье в XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 704–714. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

NOBILITY AND CHARITY IN THE STAVROPOL REGION IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tatiana E. Pokotilova^{1*}, Tatyana A. Shebzukhova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Pyatigorsk Institute (branch), North-Caucasus Federal University (56, 40 let Oktyabrya Ave., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

© Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А., 2024

Abstract. Introduction. The article studies the problem of participation of nobility in charity in the Stavropol region in the 19th – early 20th centuries. It is noted that the content and features of the process of formation and evolution of the class structure and the nobility, in particular, in the region, along with the existing normative framework that consolidated its class status, were largely determined by a number of features. Those were the peculiarities of Russia advancement on the Caucasian borders, the history and peculiarities of colonization of the steppe pre-Caucasus, the special military-administrative and geopolitical status of Stavropol during the period under consideration. **Materials and Methods.** The principle of class structure in the regulatory framework for the charitable process in the Russian Empire and the problem of the history of noble charity in the context of the emergence of new social communities and the inevitable leveling of class differences logically predetermined special attention to clarifying the characteristics of classes. The list of characteristics of classes proposed by M.I. Lavitskaya and A.V. Melnikov was chosen as the basic one. It says that 1) each class has specific rights and social functions that are legally enshrined in custom or law; 2) class rights are inherited; 3) the presence of class corporate organizations that carry out class public administration; 4) a specific mentality and self-awareness of classes. The study was conducted using materials from the State Archives of the Stavropol Krai. It preconditioned the use of historical-genetic, periodization, typological and narrative methods. **Analysis.** Based on specific historical facts, it is shown how the relatively late entry of the region into the Empire predetermined the small number of hereditary nobility on its territory, and the active events of military colonization became the main source of formation of the local nobility. Nobles from the inner provinces of Russia, the Kingdom of Poland and western provinces began to move here, and that few of the nobles of Stavropol region had land holdings and the main source of their income was the civil service. In the course of modeling the features of subject-object relations in the charitable process on the territory of the region, limited capabilities of the Stavropol nobility for large and frequent charitable events as well as the relatively small scale of the base of potential objects of charity in relation to the inner provinces of Russia were taken into account. **Results.** Specifically, the historical picture, created on the basis of a wide range of sources, showed a relatively weak involvement of the nobility of the region in charitable practice

Введение. История формирования и эволюции сословной структуры на Ставрополье пока еще не стала предметом углубленного внимания историков. Хотя, история дворянского сословия Ставропольской губернии в составе дворянства Северного Кавказа в целом находится в фокусе пристального внимания Чикаевой К.С. [28; 29; 30; 31; 32; 33], в рамках своих диссертаций и многочисленных научных публикаций наиболее близко и аргументированно, на наш взгляд, подошедшей к полновесному комплексному анализу и освещению истории и особенностей формирования и эволюции в регионе дворянского сословия. Проблема же выявления места, масштабов и содержания вклада дворян Ставрополья в благотворительную деятельность в исследованиях отдельных авторов пока еще не вышла на обобщения, основанные на комплексном анализе всех составляющих этого процесса, оставаясь на уровне отдельных упоминаний отдельных акций ряда представителей ставропольского дворянства. Как это сделано, к примеру, в докторской диссертации Чикаевой К.С. «Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально-экономическая эволюция в 1861–1917 гг. (на материалах Северного Кавказа)» [30]. Анализируя деятельность Ставропольского дворянского собрания, автор приводит факты участия этой сословной организации и ряда ее представителей в общесословной акции помощи боль-

in comparison to the all-Russian one. First of all, this is the popularization of the charitable participation of the population in the creation and care for the activities of educational institutions and the lives of poor students, the creation of rare medical and social institutions by those in power and by their own example. If there was no active expected response, the Stavropol (Caucasian) public charity order could be used to accumulate charitable proceeds for the solution of the above-mentioned problems over a long period of time. This is also one of the longest-lasting practices of leisure-time, caring, but not very wealthy representatives of the Stavropol nobility (usually women) visiting the poor with the aim of collecting and transmitting information about them to the provincial registers, as about individuals and families “whose pathetic situation deserves special attention.” This is the initiation and active participation of representatives of the nobility in the creation and work of charitable societies, expanding in scope and directions within the framework of bourgeois modernization processes launched by the reforms of the second half of the 19th century, when the prestige of the idea of public benefit, introduced into the ethics of the noble class back in the 18th century, is gradually gaining a new meaning in Russian culture, not bypassing the Stavropol region.

Keywords: class structure, nobility, private charity, charitable societies, education, social charity, Stavropol region, the Russian Empire

For citation: Pokotilova T.E., Shebzukhova T.A. Nobility and charity in the Stavropol region in the 19th – early 20th centuries. *Humanities and law research*. 2024;11(4):704-714. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

Conflict of interest: one of the authors of article – Tatyana A. Shebzukhova, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal “Humanities and law research”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 23.05.2024.

The article was approved after reviewing: 30.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

ным и раненым воинам в рамках русско-японской войны.

Материалы и методы. В рамках эволюции благотворительного процесса в России развитие его нормативного обеспечения выстраивалось, прежде всего, на принципе сословности, и участвовали в нем представители всех сословий – и в качестве субъектов, и в качестве объектов благотворения. А поскольку XIX в. в истории России связан с модернизационными процессами, проявлявшимися развитием рыночных отношений и индустриализацией, которые, в свою очередь, вели к коренным изменениям в общественном самосознании, к истории сословий этого периода будем обращаться, учитывая неизбежное возникновение в этих условиях новых социальных общностей и неизбежное сглаживание сословных различий. При проведении анализа мы будем опираться на перечень признаков сословий, предложенный М.И. Лавицкой и А.В. Мельниковым. А именно: «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству; 3) наличие сословных корпоративных организаций, осуществляющих сословное общественное управление; 4) специфический менталитет и самосознание сословий» [13, с. 158]. Исследование проведено с использованием материалов Государственного архива Ставропольского края.

Что, с учетом специфики проблемы исследования, обусловило наше обращение к таким его методам, как историко-генетический, периодизации, типологический и нарративный.

Анализ. Российская империя вплоть до своего падения по результатам событий 1917 года была сословным государством. Долгое время, еще с момента объединения русских земель, когда и стали появляться зачатки сословий, сословное деление в стране было достаточно пестрым и не имевшим в своем основании четкой нормативно образующей базы. Тогда как сословие – это социальная группа с определенными правами и обязанностями, закрепленными не только в обычае и культуре, но и в законе. В.В. Керов в своей рецензии на научную монографию Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)» [6] справедливо отмечает, что понятие сословие «...в смысле юридически оформленной группы с правами и обязанностями, передающимися по наследству, стало употребляться лишь во второй четверти XIX в.» [9].

Уже «в XVIII в. Россия переживала период обособления сословных интересов» [10, с. 27]. Так, в рамках работы Комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г. для составления нового Уложения, «преобладал дух сословной исключительности. Дворянство обнаружило желание замкнуться в неприступную касту и запереть доступ в свои ряды свежим сторонним элементам. Оно требовало для себя исключительного права на владение крепостными крестьянами, требовало расширения своих земельных прав и резкого отличия от «подлых» людей во всех общественных собраниях внешними знаками почета...» [10, с.27–28]. Власть, в лице Екатерины II, идет на законодательное оформление сословного строя в империи, выстраивая соподчиненность сословий государству и определяя правила взаимоотношений между самими сословиями. Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные в 1785 г., оформляют базу для таких отношений. Но лишь в 1832 г. законами о состояниях, помещенными в 9-м томе Свода законов Российской империи [5], был уточнен правовой статус российских сословий, отмененный только декретами Советской власти. Как и внесена окончательная ясность в классификацию сословий на момент принятия законов: согласно статус-кво, сословное деление в России предполагало деление на дворян, духовенство, городских обывателей (мещанство и купечество) и сельских обывателей (крестьянство) (ст.2) [5, с.2–3], хотя непосредственно сословиями они названы в ст.4 законов о состояниях [5, с.4]. При этом казачество и «иностранцы» также были наделены определенными сословными правами. Кроме того, в 1835 г. было легитимировано такое сословие, как «почетные граждане».

Известно, что дворянство еще в разрядных списках XVI в. и согласно Бархатной книге 1687 г. из служилого стало наследственным сословием. При этом его деление на потомственное дворянство и

личное дворянство сохранялось и получило дальнейшее подтверждение в Табели о рангах. Личное дворянство не наследовалось. В законах о состоянии говорится: «Дворянское название есть следствие, истекающее из качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены или Монархами сим достоинством пожалованы» [5, с.19]. К концу XIX в. дворянство в России было сословием, наиболее четко оформившимся по сравнению с другими сословиями и имевшим неразмытые сословные черты. Высшее, привилегированное сословие страны как потомственное к концу XIX в. приобреталось «четырьмя путями: 1) пожалованием его по особому усмотрению самодержавной власти; 2) чинами на действительной службе; 3) в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами; 4) потомками особо отличившихся личных дворян и именитых граждан» [13, с. 159]. При этом возможности эти контролировались властью и неуклонно ограничивались. В нашем случае важно и то, что в течение исследуемого периода действовали ранее принятые решения о распространении прав русского дворянства на служилую и земледельческую знать национальных окраин страны и о возможности получения дворянства иностранцами, которые дослужились в России до определенных чинов и присягнули на российское подданство. Личное дворянство, не передаваясь наследникам, приобреталось через пожалование в случае высочайшего решения, последовавшего «в нарушение» установленного порядка возведения в дворянство по службе; в установленном порядке по результатам продвижения по службе; либо в результате награждения определенным орденом. При этом со временем границы возможностей получения дворянства в результате продвижения по службе расширялись. Получение личного дворянства стало возможным для купцов при пожаловании их чином девятого класса, и не обязательно с соблюдением порядка продвижения. Имели право на получение личного дворянства и лица духовного звания. Что касается возможностей тех, кто награждался такими орденами, как орден Святой Анны (II–IV степени), орден Святого Станислава (II–III степени), орден Святого Владимира (IV степени), кто в разные периоды состоял на военной либо гражданской службе, а также представители купечества, могли быть тоже пожалованы дворянством.

Увидеть специфику сословной структуры и ее эволюции на Ставрополье невозможно без знания истории продвижения России на кавказских рубежах, истории и особенностей колонизации степного предкавказья, представлений о военно-административном и геополитическом статусе Ставрополя в изучаемый период. Очень информативна, в связи с этим, «Записка управляющего Ставропольской казенной палатой о значе-

нии города Ставрополя в дореформенный период» от 31 октября 1892 г.: «Сделавшись в 1822 г. областным, а с 1847 г. губернским, г. Ставрополь до самого окончания Кавказской войны представлял собой важнейший военно-административный центр..., в нем сосредоточены были... штаб командующего войсками правого крыла Кавказской линии, генеральный штаб войск, Управление корпус топографов, Дежурство, штаб 19-ой пехотной дивизии, Управление 1-й и 2-й бригады..., а также Управление Кавказского линейного казачьего войска: канцелярия наказного атамана, Войсковое дежурство, Войсковое правление, Управление 9-ти бригад; кроме того, Ставропольское провиантное комисионерство, комиссарская комиссия, военный госпиталь... Из Ставрополя исходили в то время все приказания военного начальства относительно направления всякого рода экспедиций в земли непокоренных горцев; отсюда же делались распоряжения гражданского начальства о постепенном заселении в пусте лежавших громадных пространств Ставропольской губернии выходцами из внутренних губерний России... Здесь же производилось на весьма значительные суммы заготовление по обмундированию и довольствию войск, совершались подряды; заключались контракты, причем происходила оживленная торговля предметами не только первой необходимости, но и предметами роскоши, приобретать которые нисколько не стеснялись офицеры, постоянно и поочередно являвшиеся сюда по окончании походов, т.к. получали содержание по военному положению» [7, с. 42]. Обращаясь к результатам первой Всероссийской переписи, проведенной в 1897 году, обнаруживаем, что если в целом по стране соотношение дворян (1 850 288 чел.) к остальному населению выражалось в цифре в 1,5 %, то в Ставропольской губернии этот показатель равнялся всего 0,66 % от всего населения губернии (5.739 чел.) [21, с. 148]. Если за 100 % взять количество дворян в трех административных единицах – Терской области, Кубанской области и Ставропольской губернии, - то на долю последней приходилось всего 18 % [32]. При этом характерной особенностью стало превышение среднего показателя по стране доли ставропольских дворян в составе городского населения – 5,3 % [21, с. 148].

Влияние особенностей освоения территории, развития региона со статусом военно-административного пограничья, конечно же, предопределило специфику процесса оформления здесь дворянского сословия. Так, например, именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства Польского и западных губерний. В рапорте, представленном в 1850 г. губернским предводителем дворянства наследнику престола, будущему императору Александру II, во время его посещения

Ставрополя, всех дворянских фамилий на Ставрополье насчитывалось 380 [22, с. 407] (учитывая, что в губернию тогда входили позже отошедшие к Терской области Пятигорский и Кизлярский уезды). В Ставрополе же в 1866 г., по сведениям ставропольского статистического комитета, насчитывалось дворян потомственных – мужского пола – 135, женского – 98; дворян личных – мужчин – 357, женщин – 125, тогда как всего в городе к этому времени проживало 20 545 человек [26, с. 198]. Согласно данным однодневной переписи 1872 года, в Ставрополе на этот момент проживало уже 29 617 человек. Из них дворян потомственных, служащих и их семейств – 1352 чел. (4,57 %), дворян потомственных в отставке – 326 чел. (1,10 %), дворян личных служащих – 1633 чел. (5,51 %), дворян личных в отставке – (1,61 %), тогда как только мещане составляли уже тогда 33,9% населения города [2, с. 133]. Относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории. Чему свидетельством – и законом установленное правило о внесении фамилий потомственных дворян сразу трех административных субъектов – Терской и Кубанской областей и Ставропольской губернии – в одну родословную книгу Ставропольской губернии (за неимением на Терке и Кубани дворянских депутатских собраний) [5, с. 192]. Специалист по истории дворянского сословия Северного Кавказа К.С. Чикаева, проанализировав дворянские родословные книги Ставропольской губернии, подсчитала, что «...подавляющую часть дворянских фамилий Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей составляло среднее и высшее чиновничество с потомками, относившееся ко второму и третьему разрядам (94 %)» [32].

Конечно, в губернии развивался процесс укрепления дворянского сословия через организацию среднего образования детей дворян и развитие военного образования для тех, кто через несение в будущем военной службы мог получить дворянское звание. В данном случае речь идет прежде всего о первой мужской гимназии в г. Ставрополе, открытие которой в 1837 г. было приурочено к приезду в Ставрополь государя Николая I [3, с. 71]. К 1878 г. первая мужская гимназия г. Ставрополя имела в своей структуре 14 классов [16, с. 2], будучи ориентированной на прием, прежде всего, детей потомственных дворян и офицеров [12, с. 504]. Важной особенностью этого среднего учебного заведения стало создание в нем, помимо классического гимназического, еще одного отделения – горского, обучавшего детей национальных элит Северного Кавказа. А в 1870 г. в Ставрополе начинает работу казачье юнкерское училище, пользовавшееся особой популярностью среди тех, кто затем становился офицерами либо успешно служил на административном поприще. Большинство выпускников этого военного учебного заведения несли службу в Терском и Кубанском казачьих войсках [24].

Естественным стимулом и причиной роста личного дворянства в Ставропольской губернии, как

и в целом по стране, стали модернизационные процессы по следам реформ второй половины XIX в. Возраставшая потребность в чиновниках дополнялась на Ставрополье необходимостью сопровождения колониционных процессов соответствующими военными кадрами. Поэтому вполне логично, что к концу XIX в. среди «потомственного дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей преобладало военное (57,7 %)» [32], при этом «...доля потомственных дворян...в общей численности потомственного дворянства городов Северного Кавказа...» в Ставропольской губернии составляла 21,1%, в сельской местности – 8,47 % [32]. Большинство же в составе всего дворянского сословия Ставрополья оставалось за дворянами личными (3 134 человека, или 54,61%), и большая их часть находилась в губернском Ставрополе (73,17 %). В составе всего населения Ставропольские губернии личные дворяне занимали нишу 0,36 %, «...в Ставрополе -5,51%, прочих городах – 0,42 %, в селениях – 0,09 %» [32]. И, что особенно важно связи с предметом нашего исследования, - мало кто из дворян Ставрополья имел земельные владения, и основную статью их доходов составляла государственная служба. Кавказское областное дворянское собрание, созданное еще в 1803 г. [28, с. 239], в 1840 г. даже вынуждено было отправить в адрес областного предводителя собрания документ под названием «Записка о нуждах дворянства», содержавшей предложения по возможному улучшению имущественного положения представителей сословия [38, л. 95 – 113]. В отчете за 1841 г. гражданского губернатора Кавказской области императору прямо отмечалось: «Торговое и земледельческое сословие в области обладает с избытком средствами к благосостоянию, и весьма малая часть не умеет пользоваться ими; напротив дворянство по ограниченности имений с трудом отбывает лежащие на нем повинности» [8, с. 161]. Известен казус с отменой сенатским указом 1900 г. результатов выборов в Ставропольское дворянское депутатское собрание 1989 г. по причине незаконного допуска к участию в них дворян, не имевших недвижимого имущества.

Логично ожидать, в связи с малочисленностью крупных собственников, наличия ограниченных возможностей у ставропольских дворян к крупным благотворительным акциям. Как и закономерно оценивать масштабы базы потенциальных объектов благотворения в целом в регионе как сравнительно небольшие по отношению к таковым во внутренних губерниях Империи. Ведь, во-первых, долгое время лишь губернский Ставрополь, с его населением, рождал, по мере его развития, в определенной мере те социальные проблемы и те социальные группы, которые ждали особого попечительского внимания со стороны благотворителей. В годовом отчете исправлявшего должность Кавказского гражданского губернатора П.К. Пышненко за 1841 г. отмечалось: «Нищенство, проистекающее собственно от лености и разврата, между коренны-

ми обывателями незаметно. Нищие бывают из неводворенных еще переселенцев, но к отвращению того тотчас принимаются меры. Между городскими обывателями злостных банкротств в течение 1841 г. не открыто» [8, с. 134]. Во-вторых, – подавляющее большинство населения региона – крестьяне – находили помощь в решении возникавших чрезвычайных проблем прежде всего в своей ставропольской крестьянской общине, известной особой устойчивостью и силой. Даже в условиях становления системы начального образования в сельской местности община старалась покрывать потребности как обучающихся, так и обучающихся самостоятельно. Существует следующее сообщение губернатора Властова Г.К. в его отчете Императору за 1871 г. по данному поводу: «В большей части сел достигнуто замечательных результатов. Там, где население было совершенно индифферентно к школе, проявилась теперь деятельность общества пожертвованиями; там, где едва было 10 – 15 учащихся, явились школы в 40 – 50 мальчиков. Села, платящие определенный душевой налог, но не имеющие штатных училищ, делают особые приговоры и учреждают школы, внося деньги на их учреждение...» [8; 285-286]. При этом даже к 1885 году крестьянство составляло 70,9 % населения губернии, владея на правах собственности почти половиной губернской территории [8, с.310].

Известна ситуация, когда российское правительство в самом начале XIX в. обратилось к дворянам страны с призывом позаботиться о создании в регионах гимназий, организовав благотворительные сборы и взяв их под постоянную опеку: «...вспомоществовать правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе» [23, с. 50]. Хотя на каждую гимназию самим правительством ежегодно выделялись от 5200 до 6250 рублей [34, с. 27]. Бедность местного дворянства, как и отсутствие особой на тот момент заинтересованности в получении детьми среднего образования, сделало предпринимаемые дважды властями региона – в 1804 и 1811 гг. – попытки открытия первой гимназии неудавшимися. Учрежденная усилиями тех же властей лишь в 1837 г., и то – к приезду Императора Николая, первая ставропольская мужская гимназия, конечно же, не оставалась без внимания благотворителей. Но доля дворян среди тех, кто помогал деньгами (в разных формах) была, по сравнению с крепнувшим купечеством, невелика. К примеру, среди тех, кто содержал именных стипендиатов, наиболее известны граф Евдокимов и князь Меликов [37, л. 2]. Первым почетным попечителем гимназии по указу Императора стал помещик Пятигорского уезда Калантаров Г.С., выделявший, кроме этого, ежегодно по 160 рублей на содержание в пансионе гимназии двух воспитанников из бедных дворянских семей [35, л.3 – Зоб.]. Хотя, обратившись к данным по состоянию на 1855 год, предложенным современником Красновым Г.Д. в отношении социального состава гимназистов, мы увидим отсутствие чрезвычайной необходимости в

расширении масштабов помощи обучающимся. А именно: из 318 учеников 85 принадлежали к потомственному дворянству, 174 были детьми офицеров, 25 – горских феодалов, 1 – почетных горожан, 5 – священников, 4 – чиновников, 28 – из других сословий (в основном, – из купцов) [12, с. 504].

Своеобразным примером для потенциальных благотворителей стала заинтересованная и активная популизаторская деятельность Граббе П.Х., назначенного в 1838 г. на должность командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории и приступившего к исполнению своих обязанностей «...с истинным желанием трудиться для общественной пользы...» [3, с. 71]. Взяв за правило посещать иногда гимназию, особенно в период экзаменов, командующий приглашал лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями к себе на обеды и балы, побуждая к подобным действиям представителей имущих сословий. Одновременно Граббе П.Х. помог одному из первых учителей гимназии Крупье основать в Ставрополе первый женский пансион, ставший своего рода катализатором к тому, что «жители города вместо прежнего небрежения о воспитании своих дочерей стали уже чувствовать для себя необходимым и даже почитали самым главным делом в домашней жизни дать своим детям хотя какое-нибудь понятие об окружающем и указать им истинный путь к просвещению» [3, с. 73]. Не отставала в этом, поддерживая общероссийскую тенденцию и подавая пример в благотворении, и супруга Граббе. Именно ее «попечениями и заботливостью» была устроена в 1840 г. благотворительная лотерея в пользу бедных, «на которой были разыграны рукоделия знакомых ей дам» и организован с этой же целью концерт. А собранные средства пошли в пользу «благородных семейств, возбуждающих своею крайностью сострадания» [8, с.153]. Ведь Ставрополь – один из немногих городов того времени, буквально наводненный семьями скончавшихся чиновников, «прибывших сюда на службу и почти всегда не оставляющих после себя ничего, даже на погребение». Часть же доходов от вышеуказанных мероприятий пошла на оплату за проживание и воспитание в частном пансионе двух бедных «благородных» сирот.

Поэтому и инициатива супруги Наместника Кавказа Воронцова М.С. княгини Елизаветы Ксавьеровны по учреждению в губернском Ставрополе женского благотворительного общества для попечения о создании и работе первого учебного заведения «для воспитания бедных девиц жителей Ставропольской губернии» [3, с.73] не только легла на благодатную почву, но и привлекла с июля 1849 г. к работе в Обществе многих представителей дворянского сословия в лице жен чиновников и офицеров. Вице-председательницей Общества стала А.П. Завадовская, жена генерала от кавалерии. Пожертвовав 3 000 рублей в фонд Общества Святой Александры, княгиня Воронцова дважды инспектировала работу заведения св. Александры и «лично сделала многие распоряжения, которые послужили к его улучшению» [3, с.87]. Уже к 1853

году в женском училище Св. Александры в Ставрополе обучалось 100 воспитанниц: «содержащихся благотворителями – 48; своекоштных – 21; линейного казачьего войска – 17; от граждан г. Ставрополя – 9; от самого заведения – 2; полупансионерок – 2; на счет воспитанниц заведения - 1» [3, с.87 – 88].

В 1859 г. в заведении св. Александры числилось 130 учениц, обучаемых десятью преподавателями [8, с.261], что не восполняло совсем растущие потребности в женском образовании. При этом состоявшееся еще в 1856 г. Высочайшее повеление об устройстве в губернских городах женских школ не могло реализоваться в Ставрополе силами местных властей и общества, т.к. не было средств ни на приобретение постоянного помещения, ни на обеспечение содержания школы. Поэтому власть в лице, прежде всего, губернатора, учитывая слабость местного дворянства, но солидные возможности торгового сословия, избрала единственно приемлемый путь – собрать требуемые средства через возможности Ставропольского приказа общественного призрения. А именно, - в силу того, что все сословия Уставом об общественном призрении были обязаны участвовать в поддержке своих недостаточных членов через Приказы общественного призрения, власть еще в 1838 г. пригласила местное население жертвовать в казну Приказа в пользу женского училища, «предположенного к открытию в городе Ставрополе». И к 1859 г. таких приношений с процентами на них скопилось до 13 000 рублей серебром. Основными жертвователями было дано согласие на «употребление этой суммы на покупку приiskanного весьма удобного и выгодного дома для женской школы» [8, с.263]. Таким образом местная власть достигала целей, соединяя разные возможности.

Подобная практика власть придерживающих прослеживалась и в действиях большинства других руководителей региона, став, своего рода традицией и одной из наиболее эффективных форм дворянского участия в благотворительности. Так, главным «основателем» в 1852 г. публичной библиотеки в Ставрополе по праву считается губернатор Волоцкой, не только пожертвовавший на это значительные средства, но и пригласивший к пожертвованиям ряд состоятельных людей. И уже к 1857 г. «в ней насчитывалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание» [4, с.279]. К середине XIX века редкие губернские города в России могли похвастаться наличием в них библиотек, да еще с количеством посетителей от 3000 до 5000 ежегодно. Волоцкому принадлежали также «мысль об основании музея и заботы о нем». Речь идет о создании в Ставрополе в апреле 1856 г. первого музея, экспонаты которого были размещены в одном из лучших домов города – в здании Городской думы. Силами немногочисленных учредителей в нем были организованы четыре отдела: «1) естественные предметы края, 2) предметы разного рода промышленности, 3) предметы археологические и 4) археологические» [4, с.279]. К сожалению, по

названным выше причинам, ожидаемая активность со стороны известных горожан оказалась ничтожной, и содержался, практически не развивая свои фонды, первый музей губернского Ставрополя «единственно участием немногих своих учредителей». Никифораки Н.Е., служивший ставропольским губернатором с 1887 г. по 1904 г., инициировал сбор пожертвований на строительство психиатрической больницы в Ставрополе, благодаря чему была собрана значительная сумма в размере 250 000 рублей и 16 июля 1901 г. был заложен первый камень будущей больницы. А в период русско-японской войны он одним из первых внес значительную сумму на восстановление российского флота, тем самым подав пример согражданам [8, с.329].

Практика инициирования местными властями благотворительных акций с вовлечением в них, числе прочих, равнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин), дала эффект и стала одной из самых протяженных во времени в виде приглашения людей, «расположенных к благотворительности,...посещать бедных и затем, по тщательному дознанию о поведении подвергнувшихся нищете», передавать информацию о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Такая практика «имела свои благодетельные последствия, и многие из бедных семейств получали вспомоществования деньгами, припасами, платьем и обувью от неизвестных им лиц» [3, с.85].

В рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII в., постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье. В этих условиях благотворительность как отечественная многовековая богом завещанная традиция превращается в прекрасное средство проявления гражданственности, но уже не только в виде случаев частной благотворительности, а организованной благотворительной деятельности. И, как правило, среди инициаторов создания большинства общественных организаций, занимавшихся благотворительностью, были представители дворянского сословия, обладавшие досугом и достаточным уровнем образования. Тем более, что по следам отмены крепостного права в стране, с ускорением модернизационных процессов и потерей губернским Ставрополем статуса крупнейшего на Северном Кавказе торгового центра из-за ввода в эксплуатацию в 1875 г. Владикавказской железной дороги, Ставрополье приобретало серьезные проблемы в виде, прежде всего, роста количества безземельного крестьянства и городской безработицы. К. Бахутов в своей диссертации «Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя» в 1880 г. констатировал, - «...жизнь прежняя, привольная и дешевая, стала стесненной, и прежде малознакомые Ставрополю нищета и бед-

ность получили большое право гражданства» [2, с.109].

В этой ситуации опыт организованной деятельности в благотворительности Общества Св. Александры, занимавшегося общественным попечением о женском образовании в Ставрополе с середины XIX в., как очень успешный во всех отношениях, стал, в значительной мере, образцом в деле создания и деятельности благотворительных обществ частногоправового характера в губернии. Ведь к 1897 г. общество Св. Александры содержало на свои средства семиклассную женскую гимназию, расходуя на нее ежегодно до 40 000 руб. и обучая до 300 воспитанниц [20, с. 423]. Капитал самого Общества к этому времени составлял почти 125 000 рублей. Кстати, именно дворянин И.В. Бентковский в 1877 г. «за составление обзора XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры» был награжден императрицей перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантом [20, с.423].

«Общество вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св. Александры» (основано в 1880 г.), опираясь не только на опыт, но и на помощь Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры [1, с. 35], помогло многим «недостаточным» ученицам Ольгинской гимназии получить образование [25, с. 71]. Только в 1888 г. это Общество потратило на нужды бедных учениц 704 руб. 50 коп. [14, с. 44]. Среди общественных благотворительных организаций, открывшихся и работавших с целью попечения в деле получения среднего образования детьми из недостаточных семей на Ставрополье – Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской 3-ей женской гимназии; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Петровской, Ставропольской губернии, мужской гимназии; Общество вспомоществования беднейшим ученикам Ставропольской гимназии; Общество, имеющее целью открытие и содержание гимназий в с. Петровском Благодарненского уезда Ставропольской губернии и ряд других.

В деле общественного попечения о получении начального образования наиболее успешным в губернии стало Общество распространения народного образования в Ставрополе (основано в 1878 г.). Располагая к 1889 г. капиталом в 15 209 руб. 43 коп., Общество содержало две школы со 127 учащимися обоего пола [8, с. 340]. Среди его учредителей и активных участников – немало представителей дворянства.

Председателем Ставропольского на Кавказе Общества содействия воспитанию и защиты детей (основано в 1889 г.) [27, с. 1] стал местный дворянин Г.Н. Прозрителев, воспитывавшийся примером благотворительной активности родителей [19, с. 894]. Общество, обозначившее своей целью «всячески содействовать в воспитании подрастающего поколения, защищать детей и несовершеннолетних

и заботиться о брошенных и беспризорных детях», по-существу [27, с. 3], соединило в своей деятельности функции социальной защиты и воспитательно-образовательную: открытие детской площадки в Ставрополе (1899 г.); организация швейной мастерской с целью обучения швейному ремеслу девочек из бедных сословий (1899 г.) [17, с. 11]; открытие детского приюта для 100 сирот (1906 г.) с получением ими начального образования [17, с. 11] и возможностью для наиболее способных из них продолжить обучение за счет средств Общества в гимназиях; организация работы курсов шитья женской одежды для 100 девушек и женщин (1910 г.), большая часть которых получала специальность бесплатно [17, с. 32]. Г.Н. Прозрителев в течение многих лет оставался председателем Общества содействия воспитанию и защиты детей, активно работая при этом и членом Ставропольского общества помощи бедным, членом Ставропольского Комитета Красного Креста. В годы первой мировой войны он возглавил Комитет помощи беженцам из Закавказья. Именно по инициативе Георгия Николаевича в Ставрополе был открыт ночлежный дом для беспризорных детей, «дом для беспомощных» с мастерскими по обучению столярному и переплетному ремеслам [11, с. 1102].

Традиция женского благотворительного участия в попечении о страждущих, заложенная и продолжавшая реализовываться среди жен военных и чиновников, простиралась не только на образование. Так, среди благотворительных обществ, сосредоточившихся предметно на помощи больным и раненым воинам, возникает Ставропольский Дамский Комитет Общества помощи больным и раненым воинам, созданный в связи с началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [36, л. 15-15об.]. К концу 1877 г. данная женская благотворительная организация состояла из 266 членов, представлявших как Ставрополь, так и все уезды губернии [15, с. 3]. Пошив для воюющих полушубков, рубашек и белья; оформление сумок первой помощи раненым; организация и обеспечение работы при военном госпитале в Ставрополе курсов сестер милосердия [36, л. 70] – в активе Комитета.

Целая традиция прослеживается в участии неравнодушных ставропольцев в попечении о призрании заключенных. Еще в 1848 г., в рамках кампании по созданию в империи Попечительных о тюрьмах обществ или комитетов, в Ставрополе создается Тюремный комитет, 22 члена которого занялись активной работой по заботе о питании и нравственном просвещении заключенных, содержанием профильных заведений призрания, в которых находились и дети заключенных [39, л. 7]. Именно эта благотворительная организация инициирует создание в 1889 г. в Ставрополе Комитета для разбора нищих [40, л. 36]. А уже в 1908 г. создается Ставропольское общество «Патронат» для помощи освободившимся из мест заключения в их обустройстве на воле и помощи семьям заключенных и ссыльных [18, с. 4]. Оказывая последним финансовую, трудовую помощь, юридические услуги,

члены этой благотворительной организации в октябре 1910 г. организывают в Ставрополе Дом трудолюбия [18, л. 8]. Что дало только в 1911–1912 гг. почти 4 500 бывшим заключенным возможность нормального существования.

Среди 29-ти учредителей не менее эффективной благотворительной организации – Ставропольского временного благотворительного комитета для пособия пострадавшим от неурожая 1891 г, прибывшим в губернский город Ставрополь, – Г.Н. Прозрителев и Д.И. Евсеев (присяжные поверенные), Г.Л. Зиссерман (прокурор), Ю.К. Пеньковская (начальница Ольгинской гимназии), полковник П.А. Есаулов, П.Ф. Моравский (товарищ председателя окружного суда) [41, л. 20]. Размещение и лечение беженцев, организация их питания, поиск для них работы – в активе данного благотворительного общества частноправового характера. Всего 17 399 человек оказались в орбите его попечения [41, л. 401].

В результате развития общего для Империи процесса уменьшения численности дворянства с начала XX в. в ситуации постепенного движения России к индустриальному обществу и так невысокая численность ставропольских дворян неуклонно снижается. Чикаева К.С., проанализировав Обзор Ставропольской губернии за 1907 – 1914 гг., подсчитала, что в 1907 г. дворяне составляли 0,5 % от всего населения губернии, а в 1914 г. – всего 0,2 %; в 1909 г. личных дворян на Ставрополье насчитывалось 3 889 человек, а к 1914 г. их число сократилось до 1 702; число потомственных дворян уменьшилось с 2 009 в 1907 г. до 1 126 в 1914 г. [33]. Тем не менее, и вышеназванные, и иные благотворительные организации, действовавшие в городе и в крупных селах Ставропольской губернии, в большинстве своем, учреждались по инициативе и при активном участии представителей дворянского сословия, имевшего в российской культуре богатую на факты и масштабы историю благотворительного участия в судьбах менее успешных современников, становлении и развитии таким образом фундамента целых отраслей социокультурной сферы в стране.

Очевидно, что содержание и особенности процесса становления и эволюции сословной структуры, и оформления, в частности, дворянского сословия в изучаемом регионе, наряду с существовавшими нормативными рамками, закреплявшими его сословный статус, во многом определялись спецификой продвижения России на кавказских рубежах, историей и особенностями колонизации степного предкавказья, особым военно-административным и геополитическим статусом Ставрополя в изучаемый период. Относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории, именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства

Польского и западных губерний, и мало кто из дворян Ставрополя имел земельные владения, и основную статью их доходов составляла государственная служба. В ходе моделирования особенностей субъект – объектных отношений в благотворительном процессе на территории избранного региона авторами учтены ограниченные возможности ставропольских дворян к крупным и частым благотворительным акциям и сравнительно небольшие, по отношению к внутренним губерниям России, масштабы базы потенциальных объектов благотворения.

Результаты. Конкретно – историческая картина, созданная на базе широкого круга источников, показала относительно слабую, по сравнению с общероссийской, вовлеченность дворянства региона в благотворительную практику. Это, на фоне нечастых отдельных случаев личной благотворительности, прежде всего, – популяризация благотворительного участия населения в создании и попечении о деятельности учебных заведений и жизни недостаточных учащихся, создании редких медицинских и социальных заведений со стороны власть придержащих, в том числе, и собственным

примером. В случаях отсутствия активной ожидаемой реакции – привлечение возможностей Ставропольского (Кавказского) приказа общественного призрения для растянутого во времени аккумулирования благотворительных поступлений для решения вышеуказанных проблем. Это – и одна из самых протяженных во времени практика обладающих досугом, равнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин) посещения бедных с целью сбора и передачи информации о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Это – инициирование и активное участие представителей дворянства в создании и работе благотворительных обществ, расширявшееся в масштабах и направлениях в рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., когда престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII веке, постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье.

Литература

1. Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии на 1897 год. Ставрополь: Типография В. В. Берка. 1897. 209 с.
2. Бахутов К. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет – Ставрополь: СГУ, 2007. С. 106–195.
3. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 64–94.
4. Воронов Н. И. Ставрополь // Белоконов С. В. Синий магистр – Ставрополь: Юрлит, 1998.
5. Законы о состояниях (Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг. / сост. А. Я. Канторович. Изд. 2-е, значит. дополненное. СПб: Изд. юрид. кн. кл. "Право". Тип. В. Безобразов и Ко, 1911. 1032 с.
6. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф. 2009. 752 с.
7. Из записки управляющего Ставропольской казенной палатой о значении города Ставрополя в дореформенный период от 31 октября 1892 г. // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 42–43.
8. История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804–1914 годы): сборник документов. Ставрополь: Бюро новостей, 2013. 504 с.
9. Керов В. В., Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2009. 752 с.
10. Кизеветтер А. А. Из истории законодательства в России XVII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. 42 с.
11. Колесникова М. Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 1088–1125.
12. Краснов Г. Д. Ставрополь-на-Кавказе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 492–514.
13. Лавицкая М. И., Мельников А. В. Политико-правовые основы формирования элиты российского общества XVIII – начала XX веков // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1(37). С. 157–164.
14. Обзор Ставропольской губернии за 1888 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1889. 64 с.
15. Отчет о деятельности Ставропольского Дамского Комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы за 1877 год. Ставрополь-Кавказский: Типография Ставропольского губернского правления, 1878. 33 с.
16. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. Тифлис, 1878.
17. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1911 год. Ставрополь – губернский: Типография Петра Науменко. 1912. 38 с.
18. Отчет Ставропольского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения («Патронат») за 1911 – 1912 гг. Ставрополь: Типография губернского правления, 1913. 31 с.
19. Охонько Н. А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 894–896.
20. Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г. Н. Прозрителева на заседании комитета 28 августа 1906 г. // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 422–442.

21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 67 – Ставропольская губерния. СПб, 1907. 148 с.
22. Прозрителев Г. Н. Александр II в Ставрополе-на-Кавказе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 406–410.
23. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802 – 1902. СПб: М-во нар. прос., 1902. 785 с.
24. Северный Кавказ. 1895. 4 января. Приложение.
25. Сергиенко В. С. Исторический очерк состояния Ставропольской женской Ольгинской гимназии. К двадцатипятилетию Ольгинской женской гимназии. Ставрополь: Типография В. В. Берка, 1899. 104 с.
26. Скоковский Н. И. Сведения о городе Ставрополе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 196–204.
27. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь: Типография В. В. Берка, 1898. 6 с.
28. Чикаева К. С. Дворянское депутатское собрание на Северном Кавказе в XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 239–243.
29. Чикаева К. С. Дворянство Кубанской области и Ставропольской губернии в конце XIX века – 1917 году: Социальный статус и демографические характеристики: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2001. 219 с.
30. Чикаева К. С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально-экономическая эволюция в 1861–1917 гг. (на материалах Северного Кавказа): дисс. ... докт. ист. наук. Славянск-на-Кубани. 2006. 481 с.
31. Чикаева К. С. Национальный состав дворянского сословия Северного Кавказа по материалам переписи населения 1897 г. // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109 (05). С. 1–16.
32. Чикаева К.С. Состав дворянского сословия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10). С. 1–16.
33. Чикаева К. С. Социальные характеристики дворянства Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10 (54). <http://doi.org/10.24158/fik.2018.10.10>
34. Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб: Изд-во «Лань». 2000. 576 с.
35. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 15. Оп. 2. Д. 380.
36. ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43.
37. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 897.
38. ГАСК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 40.
39. ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 6.
40. ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 953.
41. ГАСК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Address calendar, trade and industrial reference book of the Stavropol province for 1897. Stavropol: Printing house of V.V. Berka; 1897. 209 p. (In Russ).
2. Bakhutov K. Medical topography and sanitary condition of the provincial city of Stavropol in Stavropol in descriptions, essays, research over 230 years - Stavropol: SSU; 2007. P. 106-195. (In Russ).
3. Bentkovsky IV. Stavropol in geographical, historical, topographic and statistical relations in Stavropol in descriptions, essays, research over 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 64-94. (In Russ).
4. Voronov NI. Stavropol in Belokon S.V. Blue Master. Stavropol: Yurkit; 1998. (In Russ).
5. Laws on States (Holy Laws. Vol. IX, 1899 edition, according to the Extensions of 1906, 1908 and 1909 / compiled by AYа Kantovich. 2nd edition, significantly supplemented. St. Petersburg: Publ. of the Legal Book of the Library "Law": V Bezobrazov and Co., 1911. 1032 p. (In Russ).
6. Ivanova NA, Zheltova VP. Estate Society of the Russian Empire (18th - early 20th centuries). Moscow: New Chronograph; 2009. 752 p. (In Russ).
7. From the note of the manager of the Stavropol Treasury Chamber on the importance of the city of Stavropol in the pre-reform period from October 31, 1892 in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU publ.; 2007. P. 42-43. (In Russ).
8. History of Stavropol in the reports of governors (1804-1914): collection of documents. Stavropol: News Bureau; 2013. 504 p. (In Russ).
9. Kerov VV, Ivanova NA, Zheltova VP. Estate society of the Russian Empire (XVIII - early XX centuries). Moscow: Novy Khronograf; 2009. 752 p. (In Russ).
10. Kizevetter AA. From the history of legislation in Russia in the 17th – 19th centuries. Rostov-on-Don: Donskaya Rech; 1904. 42 p. (In Russ).
11. Kolesnikova ME. Stavropol regional historians in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 1088-1125. (In Russ).
12. Krasnov GD. Stavropol-on-the-Caucasus in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 492-514. (In Russ).
13. Lavitskaya MI, Melnikov AV. Political and legal foundations for the formation of the elite of Russian society in the 18th – early 20th centuries in *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2015;1 (37);157-164. (In Russ).
14. Review of the Stavropol Province for 1888. Appendix to the Most Humble Report. Stavropol: Printing House of the Stavropol Provincial Government; 1889. 64 p. (In Russ).
15. Report on the activities of the Stavropol Ladies' Committee of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers, under the august patronage of Her Imperial Majesty the Empress for 1877. Stavropol-Kavkazsky: Printing House of the Stavropol Provincial Government; 1878. 33 p. (In Russ).
16. Report of the Trustee of the Caucasus Educational District on the state of educational institutions for 1878. Tiflis, 1878. (In Russ).

17. Report of the board of the Stavropol in the Caucasus Society for the Promotion of the Education and Protection of Children for 1911. Stavropol: Printing House of Petr Naumenko; 1912. 38 p. (In Russ).
18. Report of the Stavropol Society for the Patronage of Persons Released from Places of Imprisonment ("Patronage") for 1911-1912. Stavropol: Printing house of the provincial government; 1913. 31 p. (In Russ).
19. Okhonko NA. Public figure, educator, local historian in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 894-896. (In Russ).
20. Essay on the life and work of I.V. Bentkovsky, former secretary of the Stavropol Statistical Committee. Report of the full member of the Stavropol Statistical Committee GN Prozritelev at the meeting of the committee on August 28, 1906 in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 422-442. (In Russ).
21. The first general census of the Russian Empire of 1897. Vol. 67. Stavropol province. St. Petersburg; 1907. 148 p. (In Russ).
22. Prozritelev GN. Alexander II in Stavropol-on-the-Caucasus in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 406-410. (In Russ).
23. Rozhdestvensky S V. Historical review of the activities of the Ministry of Public Education: 1802 - 1902. St. Petersburg: Ministry of Public Education; 1902. 785 p.
24. North Caucasus. 1895. January 4. Appendix. (In Russ).
25. Sergienko V. S. Historical essay on the state of the Stavropol Olginskaya Women's Gymnasium. On the twenty-fifth anniversary of the Olginskaya Women's Gymnasium. Stavropol: Printing House of VV Berk; 1899. 104 p. (In Russ).
26. Skokovsky N.I. Information about the city of Stavropol in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU publ.; 2007. P. 196-204. (In Russ).
27. Charter of the Stavropol in the Caucasus Society for the Promotion of Education and Protection of Children. Stavropol: Printing House of VV Berk; 1898. 6 p. (In Russ).
28. Chikaeva KS. Noble Deputy Assembly in the North Caucasus in the 19th Century. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2015;1(37);157-164. (In Russ).
29. Chikaeva KS. The nobility of the Kuban region and the Stavropol province at the end of the 19th century - 1917: Social status and demographic: thesis. Krasnodar; 2001. 219 p. (In Russ).
30. Chikaeva K.S. The nobility of the North Caucasus in the post-reform era: ethnodemographic and socio-economic evolution in 1861-1917 (based on the materials of the North Caucasus): thesis. Slavyansk-on-Kuban; 2006. 481 p. (In Russ).
31. Chikaeva KS. National composition of the nobility of the North Caucasus based on the 1897 population census. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. 2015;109 (05);1-16. (In Russ).
32. Chikaeva KS. Composition of the nobility of the North Caucasus in the late 19th - early 20th centuries. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. 2014;104(10);1-16. (In Russ).
33. Chikaeva KS. Social characteristics of the nobility of the Stavropol province in the late 19th - early 20th century. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2018;10(54). <http://doi.org/10.24158/fik.2018.10.10>. (In Russ).
34. Yakovkina NI. History of Russian culture: XIX century. St. Petersburg: Publishing House "Lan"; 2000. 576 p. (In Russ).
35. State Archive of the Stavropol Krai (GASK). F. 15. Inv. 2. D. 380. (In Russ).
36. GASK. F. 62. Inv. 1. D. 43. (In Russ).
37. GASK. F. 73. Inv. 1. D. 897. (In Russ).
38. GASK. F. 242. Inv. 1. D. 40. (In Russ).
39. GASK. F. 296. Inv. 1. D. 6. (In Russ).
40. GASK. F. 296. Inv. 1. D. 953. (In Russ).
41. GASK. F. 829. Inv. 1. D. 1. (In Russ).